

ЭКОНОМИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–9
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 4–9
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-4-9>
EDN: DZPMDC

Научная статья
УДК 330.8

Зарождение и развитие экономической герменевтики в недрах советского марксизма и неоклассического синтеза

К. В. Фенин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

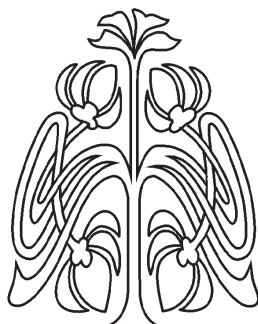
Фенин Кирилл Вячеславович, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории и национальной экономики, fenin.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1061-6602>

Аннотация. Введение. В статье анализируются факторы возникновения и развития экономической герменевтики. Критическому переосмыслению подвергаются стереотипные представления о тотальной идеологической унификации политической экономики в СССР в период доминирования советского марксизма и идеологической нейтральности неоклассического синтеза – мейнстрима западной экономической науки. **Теоретический анализ.** Показано, что советская политическая экономия представляет собой очень интересный сложный частный случай развития экономического научного знания, к которому предъявлялись специфические требования от государственного аппарата (властных структур). Кратко рассмотрены условия генезиса экономической герменевтики на Западе в рамках неоавстрийской экономической школы как возможной реакции на догматизм неоклассического мейнстрима. Исследуются общие причины консерватизма научной среды. Сделано предположение о наличии ряда сходных черт между марксизмом и неоклассической теорией. **Результаты.** Установлено, что доминирование марксизма в СССР и формального неоклассического синтеза в США позволило сформировать среду, которая в последующем привела к жизни новое научное направление – экономическую герменевтику. Причем процесс зарождения нового научного направления в недрах данных консервативных экономических парадигм был вполне естественным, поскольку экономическая теория по своей природе герменевтична – стремится истолковывать смысл внешне простых и повседневных, но жизненно важных для человека явлений. Материалы статьи могут быть использованы для преподавания истории экономической мысли.

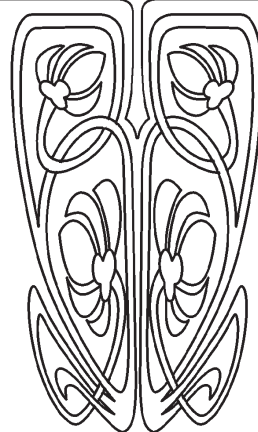
Ключевые слова: российская экономическая школа, советский марксизм, экономическая герменевтика, мейнстрим, научный потенциал

Для цитирования: Фенин К. В. Зарождение и развитие экономической герменевтики в недрах советского марксизма и неоклассического синтеза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–9. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-4-9>, EDN: DZPMDC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

The origin and development of economic hermeneutics inside Soviet Marxism and neoclassical synthesis

C. V. Fenin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Cyril V. Fenin, fenin.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1061-6602>

Abstract. Introduction. This article is an analysis of the factors of the emergence and development of economic hermeneutics. The stereotypical ideas about the total ideological unification of political economy in the USSR during the period of Soviet Marxism dominance and the ideological neutrality of neoclassical synthesis, the mainstream of Western economic science, are being critically rethought. **Theoretical analysis.** It is shown that Soviet political economy is a very interesting complex special case of the economic knowledge development, which was subject to specific requirements from the state apparatus (power structures). The conditions for the genesis of economic hermeneutics in the West within the framework of the neo-Austrian school of economics as a possible reaction to the dogmatism of the neoclassical mainstream are briefly considered. The general reasons for the conservatism of the scientific environment are investigated. An assumption is made about the presence of a number of similar features between Marxism and the neoclassical theory. **Results.** It has been established that the dominance of Marxism in the USSR and the formal neoclassical synthesis in the USA made it possible to form an environment that subsequently led to a new scientific direction – economic hermeneutics. Moreover, the process of the emergence of a new scientific direction in the depths of this conservative economic paradigm was quite natural, since economic theory is hermeneutic in nature – it seeks to interpret the meaning of outwardly simple, but vital phenomena. The materials of the article can be used to teach the history of economic thought.

Keywords: Russian economic school, Soviet Marxism, economic hermeneutics, mainstream, scientific potential

For citation: Fenin C. V. The origin and development of economic hermeneutics inside Soviet Marxism and neoclassical synthesis. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 4–9 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-4-9>, EDN: DZPMDC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Постижение истории экономической мысли, которая входит в область научных интересов автора, предполагает кропотливый анализ большого объема академических экономических текстов, подчас отличающихся архаичным стилем изложения и сложным содержанием. В связи с этим особое значение приобретают проблемы понимания и интерпретации трудов выдающихся мыслителей и экономистов прошлого. Инкорпорирование в современную экономическую науку достижений предыдущих поколений исследователей может быть осуществлено посредством герменевтики – изначально искусства толкования древних текстов, разных языков, смысла изречений мудрецов. В Средневековье объектами толкования были преимущественно религиозные сочинения, но затем к ним прибавились и светские трактаты. Сам термин «герменевтика» происходит от имени персонажа древнегреческой мифологии Гермеса (Меркурия), который исполнял обязанности посредника между богами и людьми, истолковывал смертные повеления богов, а олимпийцам пересказывал человеческие просьбы. Дальнейшее развитие расширило сферу интересов герменевтики и оформило ее в XIX в. в самостоятельное философское учение [1, с. 6]. Вполне удовлетворяющим требованиям данного исследования можно признать определение экономической герменевтики как «теории и практики толкования, интерпретации,

искусства понимания текстов, гипертекстов, экономических понятий и явлений с целью постижения их смысла сквозь призму культуры, эмоциональной и компетентностной сферы, личного и исторического опыта субъекта понимания и преобразования их в информацию в определенном контексте, используемую для принятия решений в бизнес-процессах», предложенное российскими учеными-экономистами С. В. Бегичевой и Д. М. Назаровым [2, с. 24].

Теоретический анализ

Генезис экономической герменевтики как «побочного продукта» развития советского марксизма весьма примечателен. Впрочем, сама отечественная экономическая школа, которая, по мнению Л. И. Абалкина, сложилась в конце (в последней трети) XIX в., являла собой интереснейший культурный феномен. Первый этап развития российской экономической науки, пришедшийся на 1870–1890 гг., выражался в переосмыслении и преломлении ценностей немецкой исторической школы и марксизма. При этом данное культурное «переваривание» идей иностранных экономистов было столь успешным, что позволило в начале XX в. российской экономической науке выйти на европейский уровень: можно вспомнить хотя бы работы М. И. Туган-Барановского, которые переведились на иностранные языки. Второй этап развития аутентичной российской («предсоветской») экономической школы, приходящийся на

первую треть XX в., строился как критическое восприятие инноваций теоретических школ марксизма и маржиналистских постулатов раннего (ортодоксального) неоклассицизма. Тогда же, в 1920–1930 гг., начался этап политизации российской экономической школы. По мнению Л. Д. Широкограда и В. В. Леонтьева, никогда еще до этого времени государственная идеология не внедрялась в науку столь бесцеремонно и со столь разрушительными последствиями. В период нэпа еще существовала объективная возможность для дискуссий по вопросам марксистской теории, а также по актуальным вопросам экономического развития страны, хотя идеологические границы для проведения такого рода дискуссий были довольно узкими. Затем, с конца 1920-х и до 1950-х гг., советская экономическая наука оставалась неподвижной и, по существу, бесплодной – «громоздким, бесстрастным и непоколебимым памятником К. Марксу, который поддерживался множеством хранителей и у подножия которого время от времени проходили вереницы людей, преисполненных чувством долга» [3, с. 86; 4, с. 78, 79, 80; 5, с. 216].

Однако стоит признать, что описанные выше взгляды выдающихся деятелей науки на развитие советской политэкономии категоричны и несколько одномерны. Несмотря на стереотипное мнение о том, что в СССР экономическая наука была «раздавлена» политикой, можно выделить, по крайней мере, одно очень успешное научное направление, пережившее «идеологическую унификацию». Данное направление – математическая экономика, которая по понятным причинам сравнительно мало пострадала от гнета идеологии, что подтверждается Нобелевской премией по экономике 1975 г., врученной математику Л. В. Конторовичу за «вклад в теорию оптимального распределения ресурсов», т. е. за работы в области линейного программирования, написанные им еще в 1939 г. Воистину, сложно себе вообразить еще более релевантный и однозначный пример признания достижений советской экономической науки со стороны мирового сообщества, точнее, той его части, которая была идеологически антагонистичной Советскому Союзу [6].

Кроме того, по мнению П. А. Ореховского, во времена господства марксизма в России экономический дискурс допускал вариативность как в терминологии, так и в способах высказывания. Советская научная школа, по крайней мере, некоторые ее представители давали себе отчет в том, что факты интерпретируются исходя из парадигмы, которой придерживаются

исследователи. Интеллектуальный багаж советских экономистов был обширным. И очень часто советские ученые отдавали должное даже «буржуазным экономистам». Ярким примером этого может быть оценка А. В. Аникиным идей А. Смита. В своем замечательном произведении по истории экономической мысли «Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса» он писал, что «хотя А. Смит требовал свободы действий для капиталистов, надо помнить об эпохе, когда он творил – в то время британский рабочий класс страдал еще не столько от капитализма, сколько от его недоразвитости, поэтому требования шотландского философа были прогрессивными и гуманными». Да и тот же великий скептик В. В. Леонтьев признавал, что «советские экономисты вовсе не были утопистами, они активно занимались толкованием трудов К. Маркса и В. И. Ленина» [5, с. 217; 7, с. 99; 8, с. 25, 201].

Как раз таки в условиях доминирования марксизма в СССР сформировалась среда, приведшая в последующем к жизни новое научное направление – экономическую герменевтику. Запрос на интерпретацию трудов К. Маркса для их функционального использования, в первую очередь, шел от властных структур, которым нужно было объяснить отход реальной экономической политики от канонического учения. Причем иногда интерпретацией занимались сами представители властной элиты. Так, по меткому замечанию Г. А. Черемисинова, В. И. Ульянов-Ленин в сентябре 1913 г. (до Октябрьской революции) провозгласил, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно, полно и стройно, и дает людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суеверием». А уже после революции, в период нэпа (27 марта 1922 г.), вождь несколько изменил риторику, отмечая, что «...К. Маркс писал не про Россию, а про весь капитализм в целом, начиная с XV в. На протяжении шестисот лет это было правильно, а для России теперешней неверно» [9, с. 149, 153]. Сюда же относятся и размышления И. В. Сталина о необходимости устранения товарного производства после национализации средств производства, т. е. о формуле Ф. Энгельса. Советский руководитель в своей монографии «Экономические проблемы социализма в СССР» отмечал, что «формулу Энгельса нельзя считать вполне ясной и точной, так как в ней нет указания, идет ли речь о взятии во владение обществом всех средств производства или только их части...». Значит, формула Ф. Энгельса вариативна – «ее можно понять и так, и этак» [10, с. 10–11].

Разумеется, приведенные выше пассажи относительно К. Маркса и Ф. Энгельса могли позволить себе преимущественно власть имущие. В академической среде поддерживался статус непогрешимости теории марксизма, что на самом деле изначально противоречит природе и духу научного знания. Однако интерпретация текстов все-таки допускала возможность развития науки. По мнению В. Т. Рязанова, «советская герменевтическая практика» трактовала марксистское наследие по аналогии со Священным Писанием, которое не подлежит ревизии и только может истолковываться в целях обнаружения невыявленного ранее какого-либо значения или интерпретироваться с учетом возникших новых обстоятельств. Как раз таки подобная практика истолкования трудов К. Маркса и Ф. Энгельса позволила развиваться экономической герменевтике, предполагающей использование различных техник и процедур глубокой философской и лингвистической интерпретации экономических текстов, которые сложились в теологии и были успешно транслированы в область рационального знания. В качестве интерпретируемых проблем выдвигались соотношение марксизма с ленинизмом, троцкизмом, маоизмом и т.п. или соотношение «раннего» и «позднего» К. Маркса, а также противоречия между первым и третьим томами «Капитала» и т.д. [11, с. 59, 60; 12, с. 11].

Результатом вышеописанных институциональных условий и стал генезис экономической герменевтики в советской научной среде. Хотя до распада СССР, пожалуй, не было публикаций, которые бы стилистически отразили рождение новой научной дисциплины: вероятно, первая такая работа, «О толковании трудовой теории стоимости: экономическая герменевтика», была издана Г. А. Черемисиновым только в 1994 г. [9].

На этом можно было бы завершить статью, однако полноценный анализ генезиса экономической герменевтики невозможно осуществить только лишь посредством описания специфики советского марксизма. Удивительно, но в 1980-х гг. в западной или, как бы выразились советские ученые, в «буржуазной экономической теории» также сложились условия, которые привели к жизни экономическую герменевтику. Данное научное направление на Западе зародилось в недрах неоавстрийской экономической школы в то время, когда, согласно М. Ротбарду и Л. Лахманну, мейнстрим (неоклассический синтез) – воплощение иссушенного формализма – уже более 10 лет находился в состоянии методологической неразберихи. В подобной кризисной ситуации интеллектуальные мень-

шинства экономических мыслителей и прочих обществоведов начали предлагать свои идеи, и уже в 1990 г. был опубликован сборник «Экономическая теория и герменевтика», в который вошли научные статьи представителей неоавстрийской школы, институционализма, «критического» марксизма и «риторического» подхода, разрабатываемого Д. Макклоски [13, с. 53; 14, с. 133; 15].

Далеко не все представители неоавстрийской школы с радостью восприняли зарождение экономической герменевтики. Если Л. Лахманн с надеждой смотрел на данное научное направление, то М. Ротбард считал тех экономистов неоавстрийской школы, которые заинтересовались герменевтикой, ренегатами, отступившими от славных идей самого Л. фон Мизеса. Неприязнь М. Ротбарда к герменевтике – «претенциозной болтовне», базирующейся на постмодернистском релятивистском походе в плане оценки экономических идей, – может быть объяснена тем, что он считал данное научное направление производным от марксизма. Более того, по всей видимости, М. Ротбард вообще был критически настроен ко всей немецкой философии, наследующей Г. В. Ф. Гегелю – «прадедушке» герменевтики. Для М. Ротбарда были равнозначны такие понятия, как «нацизм» или «социализм», а К. Маркс для него был «великим герменевтиком», т. е. «релятивистом» или даже софистом. М. Ротбард опасался, что экономисты–герменевтики, утверждая, что нет ничего объективно истинного, могут воплотить в жизнь свои личные эстетические предпочтения, обосновав даже привлекательность социализма. Помимо вышесказанного, возможно, неприязнь М. Ротбарда к герменевтике также подстегивалась его этнической принадлежностью, наиболее ярко проявившейся, когда «духовный лидер» экономистов-герменевтиков Д. Лавуа в конце 1980-х гг. предпринял попытку объединить австрийскую экономическую теорию с философской герменевтикой Г.-Г. Гадамера, который вместе с М. Хайдеггером сильно испортили себе репутацию и биографию добровольным членством в сомнительных организациях, возникших в 1920–1930-х гг. в Германии [13, с. 48, 49, 52, 53, 56, 57].

Настороженное и даже неприязненное отношение к экономической герменевтике не есть только результат сугубо личностных предубеждений отдельного представителя неоавстрийской экономической теории. Отказ принять и признать новое научное направление объясняется общими системными характеристиками функционирования практически

любой научной среды. Именитые ученые, чей авторитет общепризнан, обладают исключительными знаниями и репутацией, ценность которых может уменьшиться или вовсе сойти на нет за счет морального устаревания, вызванного принятием новой прогрессивной парадигмы, нивелирующей значимость накопленного опыта. Поэтому «научный истеблишмент» в своих собственных интересах вынужден атаковать все новые теории как потенциальные угрозы своего монопольного привилегированного положения. К этому можно прибавить то, что distinguished гранды экономической науки и ведомое ими академическое сообщество отличаются консерватизмом в своих взглядах, поскольку не приемлют рисков, связанных с разработкой новых теорий, многие из которых могут быть (и скорее всего, точно будут) провальными. Последствия неудач от бесплодных работ с новыми идеями могут быть очень существенными, а выигрыш для тех, у кого уже все есть, не столь значимым, чтобы подвергать себя риску. В этом смысле догматизм «западной буржуазной» экономической науки ничем не уступал, а, возможно, даже превосходил догматизм советского марксизма [16, с. 538].

Таким образом, практически одновременный генезис экономической герменевтики в двух разных социально-экономических системах был реакцией на догматизм доминирующих научных школ – неоклассики и марксизма. В научной среде есть мнение о том, что между данными учениями на самом деле много общего. Так, Н. Калдор считал, что марксистская теория – это своего рода адаптация «теории прибавочного продукта» Д. Рикардо. Вместе с тем неоклассические теории стоимости и распределения были выведены из теории ренты Д. Рикардо, поэтому и К. Маркс, и А. Маршалл могут считать Д. Рикардо своим предшественником [17, с. 87, 89]. Такого же мнения придерживается и норвежский экономист Э. С. Райнерт, отмечая, что коммунизм и либерализм – «это ... двоюродные братья, два абстрактных теоретических учения, витающих над тривиальными фактами реального мира» [18, с. 72].

Результаты

Экономическая наука по своей сути герменевтична, поскольку, согласно меткому замечанию А. В. Аникина, «она позволяет понять или, по крайней мере, стремится истолковывать смысл внешне простых и повседневных, но жизненно важных для человека явлений» [8, с. 184]. Догматичным советскому марксизму и неоклассическому синтезу нужно отдать долж-

ное хотя бы за то, что они создали условия, в которых в очередной раз был продемонстрирован творческий потенциал научного сообщества экономистов. Экономическая герменевтика, бесспорно, является достойным дополнением ко всем существующим направлениям экономической науки, сохранение и приумножение разнообразия которых позволит постичь многие ключевые научные проблемы современности.

Список литературы

1. Черемисинов Г. А. Парадигма директивно-плановой экономики: российский опыт хозяйственных преобразований : в 2 ч. Ч. 2. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2013. 460 с.
2. Бегичева С. В., Назаров Д. М. Экономическая герменевтика // Известия Уральского государственного экономического университета. 2014. № 2 (52). С. 18–27.
3. Ядгаров Я. С. Политико-экономический феномен российской школы экономической мысли // Вестник финансового университета. 2017. Т. 21, №3. С. 84–93.
4. Широкоград Л. Д. Влияние идеологии на развитие политической экономики в СССР в 1920–1930-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2010. Вып. 1. С. 77–81.
5. Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М. : Политиздат, 1990. 415 с.
6. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 1975 // Nobel Prize : [site]. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1975/summary/> (дата обращения: 10.06.2022).
7. Ореховский П. А. Авторитетный дискурс российского экономиста // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 97–115.
8. Аникин А. В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М. : Политиздат, 1975. 384 с.
9. Черемисинов Г. А. О толковании трудовой теории стоимости: экономическая герменевтика. Саратов : [Б. и.], 1994. 200 с.
10. Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М. : Госполитиздат, 1952. 94 с.
11. Рязанов В. Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб. : Алетейя, 2020. 436 с.
12. Рязанов В. Т. Понимание и истолкование в экономической науке: роль языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2008. Вып. 4. С. 3–21.
13. Rothbard M. N. The Hermeneutical Invasion of Philosophy and Economics // Review of Austrian Economics. 1989. Vol. 3, № 1. P. 45–59.
14. Lachmann L. M. Austrian economics: A hermeneutic approach // Economics and hermeneutics / ed. by D. Lavoie. London ; New York : Routledge, 1991. P. 132–143.

15. Economics and Hermeneutics / ed. by D. Lavoie. London ; New York : Routledge, 1991. 323 p.
16. Stigler G. J. Nobel Lecture: The Process and Progress of Economics // Journal of Political Economy. 1983. Vol. 91, № 4. P. 529–545.
17. Kaldor N. Alternative Theories of Distribution // The Review of Economic Studies. 1955–1956. Vol. 23, № 2. P. 83–100.
18. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М. : Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2016. 384 с.
7. Orekhovsky P. Authoritative Discourse of Russian Economist. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2015, vol. 6, pp. 97–115 (in Russian).
8. Anikin A. V. *Yunost' nauki. Zhizn' i idei mysliteley-ekonomistov do Marksa* [The Youth of Science. Life and Ideas of Thinkers-Economists before Marx]. Moscow, Politizdat, 1975. 384 p. (in Russian).
9. Chereginov G. A. *O tolkovanii trudovoi teorii stoimosti: ekonomicheskaya hermenevtika* [On Interpreting the Labor Theory of Value: Economic Hermeneutics]. Saratov, 1994. 200 p. (in Russian).

References

1. Chereginov G.A. *Paradigma direktivno-planovoi ekonomiki: rossiiskii opyt khoziaistvennykh preobrazovaniy* [The Paradigm of a Directive-Planned Economy: The Russian Experience of Economic Transformations. Pt. 2]. Saratov, Saratov State University Publ., 2013. 460 p. (in Russian).
2. Begicheva S. V., Nazarov D. M. Economic Hermeneutics. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Journal of the Ural State University of Economic], 2014, no. 2 (52), pp. 18–27 (in Russian).
3. Yadgarov Y. S. Politico-economic Phenomenon of the Russian School of Economic Thought. *Bulletin of the Financial University*, 2017, vol. 21, no. 3, pp. 84–93 (in Russian).
4. Shirokorad L. D. Influence of ideology on the development of political economy in the USSR in 1920–1930s. *Vestnik of the St. Petersburg University. Series 5. Economics*, 2010, iss. 1, pp. 77–81 (in Russian).
5. Leontief W. *Ekonomicheskie esse. Teorii, issledovaniia, fakty i politika* [Essays in Economics: Theories, Theorizing, Facts, and Policies]. Moscow, Politizdat, 1990. 415 p. (in Russian).
6. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 1975. *Nobel Prize*. Site. Available at: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1975/summary/> (accessed 10 June 2022).
10. Stalin I. *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [Economic Problems of Socialism in the USSR]. Moscow, Gospolitizdat, 1952. 94 p. (in Russian).
11. Ryazanov V. T. *Sovremennaya politicheskaya ekonomiya: perspektivy neomarksistskogo sinteza* [Modern Political Economy: Prospects for a Neo-Marxist Synthesis]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2020. 436 p. (in Russian).
12. Ryazanov V. T. The understanding and interpretation in the economic science: The role of language. *Vestnik of the St. Petersburg University. Series 5. Economics*, 2008, iss. 4, pp. 3–21 (in Russian).
13. Rothbard M. N. The Hermeneutical Invasion of Philosophy and Economics. *Review of Austrian Economics*, 1989, vol. 3, no. 1, pp. 45–59.
14. Lachmann L. M. Austrian economics: A hermeneutic approach. In: Lavoie D. (ed.) *Economics and Hermeneutics*. London, New York, Routledge, 1991, pp. 132–143.
15. Lavoie D. (ed.) *Economics and Hermeneutics*. London, New York, Routledge, 1991. 323 p.
16. Stigler G. J. Nobel Lecture: The Process and Progress of Economics. *Journal of Political Economy*, 1983, vol. 91, no. 4, pp. 529–545.
17. Kaldor N. Alternative Theories of Distribution. *The Review of Economic Studies*, 1955–1956, vol. 23, no. 2, pp. 83–100.
18. Raynert E. S. *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi* [How Rich Countries Got Rich ... And Why Poor Countries Stay Poor]. Moscow, Publishing House Higher School of Economics, 2016. 384 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 10.11.2022
 The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 10.11.2022